

Сю Эжен

Вечный жид

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э28

Э28 **Эжен С.**
Вечный жид / Сю Эжен – М.: Книга по Требованию, 2026. – 144 с.

ISBN 978-5-519-76135-2

ISBN 978-5-519-76135-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

регородкою отъ конюшни, въ которой стояли лошади укротителя животныхъ. Фонарь разливалъ на всѣ кѣтки довольно яркій свѣтъ.

Ихъ находилось числомъ до четырехъ и всѣ онѣ были дубовыя. Широкая желѣзная рѣшетка окружала ихъ боковыя стороны. Съ одной стороны эта рѣшетка повертывалась на петляхъ, на подобіе двери, чтобъ давать свободный выходъ животнымъ. Кѣтки поставлены были на двухъ перекладинахъ и на четырехъ небольшихъ желѣзныхъ колесахъ, такъ что ихъ очень удобно было дотаскивать до большой крытой тележки, въ которую помещались они во время путешествій. Одна изъ нихъ была пустая, въ другихъ-же трехъ сидѣли барсъ, тигръ и левъ.

Надъ кѣткой тигра было написано—*Иуда*.

Надъ кѣткою льва—*Клинь*.

Надъ кѣткою барса—*Смерть*.

Барсъ вполнѣ заслуживалъ это названіе по своему кровожадному и свирѣпому виду. Будучи совершенно чернымъ, онъ лежалъ, свернувшись клубкомъ, въ глубинѣ кѣтки; цвѣтъ его шерсти смѣшивался съ окружающею его темнотою, и потому во мракѣ можно было отличить только два блестящіе и неподвижные огонька—два зрачка желтаго фосфорическаго цвѣта, которые зажигались, такъ сказать, не иначе, какъ во время ночи; потому-что всѣ животныя этой породы пользуются въ совершенствѣ своимъ зрѣніемъ только посреди глубочайшаго мрака.

Морокъ молчаливо вошелъ въ зѣришечъ. Шуба его темнокраснаго цвѣта представляла разительную противоположность съ его желтоватыми, рѣдкими волосами и длинной бородою; фонарь, повѣшенный довольно высоко, освѣщалъ его съ ногъ до головы; при этомъ яркомъ свѣтѣ, который боролся съ тьмою, еще яснѣе выказывалось его костлявое и свирѣпое лицо.

Онъ медленно подошелъ къ клеткѣ.

Бѣлый кружекъ, которымъ обведены были зрачки его, началъ, по видимому, разширяться; его глаза своимъ блескомъ и неподвижностью спорили съ блестящими и неподвижными глазами барса, который уже чувствовалъ надъ собою оцѣпняющее вліяніе взоровъ своего хозяина: дважды или трижды съ глухимъ, гудѣньемъ ревомъ онъ опускалъ свои вѣки; потомъ открывъ глаза, какъ-бы невольно, и они съ преодолимую силою выпали въ взоры Морока.

Тогда круглыя уши барса какъ будто-бы припили къ черепу; кожа на его лбѣ подернулась судорожными морщинами; онъ сжалъ свою морду, покрытую длинными усами; и дважды въ молчаніи раскрылъ свою пасть, которая усажена была огромными клыками и изъ которой высовывался до половины красный, шероховатый языкъ.

— Въ эту минуту можно-бы было сказать, что родъ какого-то магнитическаго соотноше-

ція возстановлялася между взорами человека и звѣря.

Морокъ простеръ къ клѣткѣ находившійся у него въ рукахъ мѣдный, до-бѣла раскаленный пруть, и сказалъ повелительнымъ голосомъ:

—Смерть—сюда!

Барсъ поднялся, но до такой степени сжался, что его брюхо и колѣни доставали до полу. Онъ имѣлъ три фута въ вышину и до пяти футовъ въ длину; его мясистая, упругая шея, его ноги, такіа-же широкія, какъ у бѣговой лошади; его глубокая грудь, огромныя плечи, жилистыя лапы, все показывало, что это ужасное животное соединяло въ себѣ крѣпость съ гибкостью и силу съ проворствомъ.

Морокъ, съ распростертымъ къ клѣткѣ мѣднымъ прутомъ, приблизился на одинъ шагъ къ барсу.

Барсъ на одинъ шагъ приблизился къ Мороку.

Морокъ остановился.

Барсъ тоже остановился.

Въ эту минуту тигръ — Иуда, къ которому Морокъ обратился спиною, сдѣлавъ въ клѣткѣ свой ужасный прыжокъ, какъ-бы завидуя тому вниманію, какое хозяинъ его обращалъ на барса, испустилъ глухой ревъ, и поднявъ голову, показавъ нижнюю часть своей треугольной челю-

сти и грязновато-бѣлую грудь, гдѣ исчезалъ рыжій цвѣтъ его шкуры, испещренной черными полосами; его хвостъ, похожій на большую красноватую змѣю съ черными кольцами, то прижимался къ его бокамъ, то медленно и равномерно ударялъ по нимъ; его свѣтло-зеленые, свирѣпыя и раздраженные глаза обращены были къ Мороку.

Но таково было вліяніе этого человѣка на животныхъ, что почти въ ту-же минуту тигръ пересталъ ворчать, какъ-бы самъ испугавшись своей дерзости.

Морокъ обративъ къ нему и смотрѣлъ на него нѣсколько минутъ съ большимъ вниманіемъ. Между тѣмъ барсъ, не находясь болѣе подъ вліяніемъ взоровъ своего хозяина, опять улегся въ темнотѣ, свернувшись клубкомъ.

Глухой и тяжелый ревъ, подобный тому, какой выпускаютъ большія животныя, когда грызутъ твердое тѣло, послышался въ клѣткѣ льва. Каннъ привлекъ къ себѣ вниманіе предсказателя, который, оставивъ тигра, сдѣлалъ шагъ къ другой клѣткѣ.

Левъ этотъ давалъ замѣтить только огромную спину изжелта-рыжеватаго цвѣта; его ляжки были поджаты, а огромная грива совершенно закрывала его голову; по напряженію мускуловъ на его бокахъ и по выпуклости его спинныхъ жплъ можно было легко отгадать, ка-

кія усилія онъ дѣлалъ своею пастью и передними лапами.

Морокъ, опасаясь, чтобъ Голіаѳъ, вопреки его приказанію, не далъ льву поглотить костей, подошелъ къ клеткѣ Каина, чтобы въ томъ увѣрится, и сказалъ твердымъ голосомъ:

—Каинъ!

Каинъ не перемѣнялъ своей позиціи.

—Каинъ — сюда! произнесъ Морокъ болѣе громкимъ голосомъ.

Напрасный зовъ: левъ не трогался съ мѣста и продолжалъ ворчать.

—Каинъ—сюда! повторилъ Морокъ въ третій разъ; но произнося эти слова, онъ приложилъ конецъ раскаленнаго прута къ ляжкѣ льва.

Едва только легкая полоса дыма пробѣжала по рыжей кожѣ Каина, какъ онъ съ необыкновенной быстротою повернулся и бросился къ рѣшеткѣ, но не ползкомъ, а въ одинъ прыжокъ, съ грознымъ, величественнымъ, ужасающимъ видомъ.

Морокъ стоялъ у угла клетки; Каинъ, въ бѣшенствѣ, поднялся въ профиль, чтобы вступить въ борьбу съ своимъ хозяиномъ, и прислонился широкимъ бокомъ своимъ къ желѣзной рѣшеткѣ, чрезъ которую просунулъ свою огромную, мускулистую лапу, почти столь-же толстую, какъ бедро у Голіафа.

—Кавяъ—прочь! закрывалъ Морокъ, съ живостью подхѣдая къ клѣткѣ. Левъ не слушался. Морокъ дотронулся концемъ раскаленнаго жельза до его губъ, разинутыхъ отъ гнѣва и показывавшихъ челюсти, усаженныя клыками, столь-же широкими, длинными и острыми, какъ у кабана.

Послѣ этого жгучаго прикосновенія и втораго неожиданнаго призыва хозяиномъ, левъ, не смѣя выпускать рева, глухо заворчалъ и всею тяжестію своего громаднаго тѣла повалился на землю съ выраженіемъ покорности и испуга.

Морокъ снялъ фонарь, чтобъ посмотрѣть, что такое грызетъ Каинъ: это была доска, которую приподнималъ онъ отъ пола клѣтки и грызъ зубами, для утоленія своего голода.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ въ звѣрищѣ царствовало молчаніе; Морокъ, заложивъ за спину руки, переходилъ отъ клѣтки къ клѣткѣ и наблюдалъ животныхъ, какъ-бы колеблясь сдѣлать между ними трудный и важный выборъ.

Время отъ времени онъ прислушивался, останавливаясь передъ большою дверью сарая, которая выходила на дворъ гостиницы.

Дверь эта отворилась; въ нее вошелъ Голиаъ; съ его платья струилась вода.

—Ну, какъ дѣла? сказалъ ему Морокъ.

—Да, надобно признаться—довольно трудно-ваты. Къ счастью, ночь очень темна; на дворѣ

дуетъ сильный вѣтеръ и дождь льетъ какъ изъ ведра.

—И нѣтъ никакого подозрѣнія?

—Никакого, хозяйни. Твои распоряженія были очень благоразумны: дверь изъ погреба тотчасъ-же отворилась, прямо подъ тѣмъ окномъ, гдѣ сидѣли молодыя дѣвушки. Когда ты свистомъ далъ мнѣ знакъ, что время наступило, я вышелъ съ лѣсенкой, которую принесъ съ собою; приставилъ ее къ стѣнѣ и влезъ по ней къ окну; одной рукою я схватился за ставень, другою за рукоятку моего пожа, и въ то время, какъ разбилъ два стекла, отдернулъ штору, что ни есть слы....

—И въ комнатѣ подумали, что это вѣтеръ.

—Да, подумали, что вѣтеръ. Разбивъ стекла, я тотчасъ-же спрятался съ моею лѣсенкою въ погребъ. Черезъ нѣсколько времени послышался голосъ старика. Я хорошо сдѣлалъ, что ушелъ поскорѣе.

—Да, когда я тебѣ свистнулъ, онъ въ ту самую минуту входилъ въ залу, въ которой ужинаютъ; мнѣ показалось, что онъ останется тамъ дольше.

—Все равно, дѣло было сдѣлано. Старикъ отворилъ окно и, кликнувъ свою собаку, сказалъ ей: прыгни на дворъ. Я тотчасъ-же отбѣжалъ на другой конецъ погреба, а не то проклятая собака пронюхала-бы меня за дверью.

—Собака заперта теперь въ той самой конюшнѣ, гдѣ стоитъ лошадь старика. Ну, чтожъ далѣе?

—Услышавъ, что закрываютъ окно, я опять вышелъ изъ погреба, поставилъ къ окну лѣстницу, тихонько отодвинулъ задвижку въ ставняхъ, отворилъ ихъ, но выбитыя стекла заткнуты были полами шубы; я слышалъ, какъ разговаривали въ комнатѣ, но не видалъ ничего; наконецъ отдернулъ немного шубу и увидалъ двухъ дѣвушекъ, лежавшихъ въ постели лицомъ ко мнѣ, старика, сидѣвшаго у нихъ изголовья ко мнѣ спиною.

—А сумка его—сумка? Въ ней-то вся и важность.

—Его сумка лежала неподалеку отъ окна, на столѣ, подлѣ лампы; я-бы могъ достать ее, протянувъ только руку.

—Что ты слышалъ?

—Такъ какъ ты не велѣлъ мнѣ ни о чемъ другомъ думать, кромѣ сумки, то она одна и была у меня на умѣ. Старикъ говорилъ, что въ ней лежатъ его бумаги, деньги, орденъ его и письма генерала.

—Хорошо. Чтожъ потомъ?

—Такъ какъ для меня было довольно трудно удерживать шубу, то я и упустилъ ее изъ рукъ; когда-же хотѣлъ потомъ схватить ее опять, то просунулъ руку очень далеко, и одна изъ

дѣвушка увидѣла ее, потому-что вскрикнула, указывая на окно.

—Презрѣнная тварь! теперь все потеряно! вскричалъ Морокъ, поблѣднѣвъ отъ гнѣва.

—Постой! не все еще потеряно. Услыхавъ крикъ, я соскочилъ съ лѣстницы и спрятался въ погребъ; собаки тамъ ужъ не было. Я, оставивъ дверь отворенною, услыхалъ, что отворяютъ окно и упдалъ при свѣтѣ, что старикъ высунулъ лампу наружу; посмотрѣлъ кругомъ, но лѣстницы уже не было; окно было слишкомъ высоко для того, чтобъ человѣкъ обыкновеннаго роста могъ достать его рукою.

—Онъ навѣрное подумалъ, что это вѣтеръ. Однако ты не такъ тупъ, какъ я полагалъ про тебя.

—Дѣло сдѣлано удачно. Узнавъ, гдѣ лежитъ сумка съ бумагами и съ деньгами, я воротился сюда, и вотъ теперь здѣсь.

—Ступай вверхъ и принеси мнѣ дубовую пилу, самую длинную.

—Сей-часъ.

—И покрывало изъ краснаго сукна.

—Слушаю.

—Ступай-же.

Голіаевъ пошелъ по лѣстницѣ; но, дойдя до половины, остановился.

—Хозяинъ, не лѣзя-ли хотя кусокъ мяса для....

—Пику и покрывало! повторилъ Морокъ повелительнымъ голосомъ, и въ то время, когда Голіаовъ исполнялъ его приказанія, онъ отворилъ большую дверь въ сараѣ, посмотрѣлъ на дворъ и сталъ прислушиваться опять.

—Вотъ дубовая пика и покрывало, сказалъ великанъ, сходя по лѣстницѣ съ этими вещами. Что теперь надобно дѣлать?

—Воротись въ погребъ, подлѣзь къ окну, и когда старикъ выйдетъ посиѣнно изъ комнаты....

—Кто-же заставитъ его выйти?

—Выйдетъ! что тебѣ до того за дѣло?

—Потомъ что?

—Ты сказалъ, что лампа стояла неподалеку отъ окна?

—Да, неподалеку отъ окна, на столѣ, подлѣ сумки.

—Лишь только старикъ оставитъ комнату, отвори окошко, затуши лампу, схвати сумку, обыщи ее; возьми деньги, орденъ, бумаги и положи сумку на прежнее мѣсто. Молодые дѣвушки до такой степени испугаются темноты и шума, что останутся безмолвными отъ ужаса.

—Но вѣдь это воровство! вскричала Голіаовъ. Во Франціи я промышлялъ контрабандою, но все-таки не воровалъ.